

ОЕ ПРИЗВАНИЕ

ХОТЯ мне и довелось однажды посмотреть очень хороший спектакль по «Вишневому саду» в народном театре (это было лет десять назад в Перми), сочетание «пьесы Чехова и самодеятельность» так и не перестало казаться парадоксальным. В чеховских пьесах ведь под тем, что открывается глазу, происходит нечто совсем иное, простому наблюдению недоступное. «Люди обещают, только обещают, а в это время слагается их счастье и разбиваются их жизни» — такова принадлежащая самому писателю, так сказать, формула его драматургии.

Как же добиться этого в самодеятельности?

Режиссер В. М. Фильштинский, поставивший «Дядю Ваню» в народном театре «Перекресток» Дворца культуры и техники имени Первой пятилетки, по всей видимости, понимал, что умения у его исполнителей для Чехова недостаточны и что наполнить, сделать жизненно убедительным какой-нибудь отвлеченный замысел вряд ли удастся. Но он и помнил, что искусство прежде всего сильно тем, что вызывает в нас собственную нашу творческую энергию и инициативу. А самодеятельность за тем и существует, что участники ее узнают свой человеческий потенциал. Не случайно же сходятся сюда люди разных профессий, разного общественного положения...

И еще режиссер, надо думать, верил, что собравшиеся в его самодеятельный коллектив художник, инженер, рабочий, сотрудница НИИ в своем внутреннем мире совсем непросты, что многомерные состояния чеховских героев от

них отнюдь не закрыты.

Не берусь утверждать, что именно так рассуждал В. М. Фильштинский. Но я совершенно уверен, что он сознательно и принципиально не стал навязывать исполнителям некое готовое решение, а попытался вместе с ними «вырастить» их общего «Дядю Ваню». И это получилось.

Я, во всяком случае, впервые вижу на сцене такого Войничкого, каким его представил О. Кузнецов. Для этого человека его усталость, замученность, горькая неудовлетворенность тем, как прошла жизнь, стали постоянным физическим состоянием. Вот он и пользуется любой возможностью уединиться даже и на людях, прилежь, уйди в себя, спрячься словно бы от себя самого. Ни в какие принятые нравственные установления он не верит, но и отрицанием их увлечься тоже не может. И потому, собственно, как бы только констатирует, говоря о верности Елены Андреевны ее мужу: «...Эта верность фальшива от начала до конца. В ней много риторики, но нет логики. Изменить старому мужу, которого терпеть не может, — это безнравственно; стараться же заглушить в себе бедную молодость и живое чувство — это не безнравственно». Признаюсь, что меня, многократно и читавшего, и

смотревшего «Дядю Ваню», О. Кузнецов заставил впервые обратить внимание на то, что у Чехова этот, по видимости, гневный, страстный монолог заканчивается... точкой. А ведь тут как будто брошен вызов очень высоким и безусловным принципам морали, тем самым, за которые стояли Пушкин, написавший в «Евгении Онегине» Татьяну, Достоевский, так экзотически ее принявший... Оказывается, у Чехова здесь не вызов, а скорей именно констатация нелогичности.

Войничкий в спектакле все время посмеивается. Очевидно, над собственной непоследи-тельностью, над тем, что захотелось все же вдруг любви, что увидел почему-то в профессоре причину всех своих неудач и бед, что так нелепо и напрасно кинулся было совершать какие-то безрассудные поступки. Эта усмешка — голос еще жизни в нем, но голос жалкий, смущенный, бедный, замирающий.

Так же хороша и Т. Козлова в роли Елены Андреевны. С ее лица тоже почти не сходит улыбка. Но тут за улыбкой иное — здесь робко выказывают себя скрытые возможности души, неясные и неясные для нее самой ожидания женщины, которая еще и не жила. Она только сейчас входит в какие-то живые отношения и состояния, ре-

шается хоть чуть-чуть дать себе волю. Любовь к ней дяди Вани ей небезразлична. Астров ее и манит, и привлекает. Тут жизнь еще не началась. Оттого так много в Елене Андреевне редкостнейшего обаяния женственности.

Состояния персонажей, их общение друг с другом разработаны конкретно и подробно. Тут-то и пригодился, и пошел в дело жизненный опыт людей «не из театра», выявили себя их человеческие ресурсы. Ничто в этом смысле режиссером не упущено. Даже небольшой рост исполнителя роли дяди Вани введен в жизненное самочувствие героя, когда он рядом с Еленой Андреевной. Чеховская система почти естественнонаучного и очень пристального «исследования» человека принята и подхвачена сценой. И обнаружилось, что, если в необходимой мере проникнуть в посоздаваемые Чеховым взаимные связи людей, то можно представить уже и их судьбы.

Режиссер опирается на исполнение ролей неотступно и строго. Когда в конце второго акта ему захотелось «прямо от себя» сказать нам, что это души человеческие маятся так тяжело, и заставить нас вздрогнуть от того, что происходит, он погасил на сцене свет, и мы увидели, как слоняются в темноте как бы тени тех, кто только что был перед нами в живом общении друг с другом...

Словом, в любительском спектакле нашлось место многому, чем жив сегодня театр. Чехов призван был на эту сцену явно не зря, с достаточным и достойным чувством ответственности.

Я. ВИЛИНКИС

Играем
Чехова